Кролики — это серьёзно

Морозный Шик

Лариса Лазарова

Лариса Лазарова

Кролики - это серьезно. Морозный Шик

«Автор»
2026

Лазарова Л.

Кролики - это серьезно. Морозный Шик / Л. Лазарова — «Автор», 2026

Люди обожают командовать. Даже когда понятия не имеют, что делают. Они тащат в дом ёлки, выдумывают праздники, назначают Дедом Морозом первого попавшегося и уверены: всё под контролем.Шик, шоколадный кролик с золотым ошейником, знает им цену. Он презирает суету, уважает порядок и не собирается никого спасать.Но декабрь — жестокий месяц: магия ломает планы, взрослые ведут себя хуже детей, а за красной шубой обнаруживается настоящая человеческая усталость.Пришлось ввязаться. Отстаивать достоинство, чистую подстилку и право на чудо. И, как назло, иногда быть добрым.

© Лазарова Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
Глава 1. МЁРТВОЕ ДЕРЕВО И ЖИВОЙ КРОЛИК 7
Глава 2. ГЛИНТВЕЙН И РОКОВЫЕ ОБЪЯТИЯ 11
Глава 3. ШИК В ШКУРЕ ДЕДА МОРОЗА 15
Глава 4. МОРКОВКА ВМЕСТО ПОДАРКОВ 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Лариса Лазарова
Кролики - это серьезно. Морозный Шик

ПРОЛОГ

В Поднебесной говорили, что у зимы есть лицо.

Но никто не мог его вспомнить.

Одни клялись, что видели старуху в белом саване, с косой изо льда. Другие — юношу с пустыми глазами. Третьи молчали и зачем-то запирали двери на второй засов. Молчание в Поднебесной считалось самой вежливой формой правды.

Дворец Золотого Императора зимой не менялся. Он просто становился тише.

Ручьи между павильонами замирали, не покрываясь льдом. Бронзовые журавли на крышах переставали поворачивать головы. С неба падали лепестки османтуса — белые, мелкие, как крупа. Они ложились на зелёный нефрит и не таяли. В Поднебесной вообще не было ничего удивительного. Удивительное начиналось потом. Там, где заканчивался Дворец. И начиналась жизнь.

В тронном зале пахло сандалом и кедром. И ожиданием.

Старым, как сам дворец. Оно въелось в колонны, резьбу, золотые иероглифы на стенах. Пахло долгом, который никто не решался назвать вслух.

На троне из золотистого нефрита восседал Император.

Вчера он был стариком. Завтра будет юношей. Сейчас — тем, кого нельзя назвать ни старым, ни молодым. Он был взволнован. Как всегда, в этот день.

Туман дрогнул.

Из него вышел человек в красных одеждах с белой оторочкой. В руке — посох, на который он не опирался. Жёсткая белая борода торчала в разные стороны, будто её приклеили в спешке. Путник склонился в уважительном поклоне. Казалось, что уже не сможет выпрямиться.

— Ты не хотел, но пришёл, — начал Император. — Благодарю. Без тебя в этот день нет радости. Но что мучает тебя, путник?

— Мне сказали, я должен. И так уже тридцать лет. Сначала я был очень счастлив. Потом перестал быть таковым.

— Почему?

Путник пожал плечами. Под бородой было не разобрать, улыбнулся он или поморщился.

— Пустой труд. Дети вырастают. Взрослые перестают верить. А я просто путник, который пришёл на один миг и опять исчез. Тёмный холод заполнил мою душу. Я больше ничего не жду. И ни во что не верю.

Император кивнул. Но согласен не был.

— Ты всё ещё веришь в чудо. Просто не знаешь, что оно уже происходит.

Путник горько усмехнулся.

— Я знаю правила. Возникнуть. Быть тем, кто приносит радость к чужому очагу. И исчезнуть, не раскрывая душу. Я так и делал. Вот только боюсь, что моё время подошло к концу.

Прошу тебя, о Император, сними с меня это тяжкое бремя — радовать других. Я хочу покоя и одиночества.

Император поднялся с трона. Лицо его снова изменилось.

В нём было что-то очень человеческое. Печаль. Надежда. То, что прячут глубоко и хранят вечно. И ещё — усталость.

— Правила придумали те, кто боится чудес, — поведал он. — Чудеса правил не имеют.

Он взмахнул широким шелковым рукавом. Золотые иероглифы на стенах дрогнули. И остались на месте.

— Путники приходят сюда разными дорогами. Ты пришёл, чтобы закончить жизненный путь. Но не нам выбирать, когда придёт наш час. Вернись туда, откуда пришёл. Ибо твои дела не закончены.

Император гневно сдвинул брови. Он всегда так делал, когда считал, что кто-то пытается уйти от ответственности.

— Ты не тот, кем был. И не тот, кем станешь. Но сегодня ты будешь тем, кем нужно. Одному человеку. Тому, кто перестал верить. Для искупления этого будет достаточно. Я отправлю тебе посланника. Он будет рядом с тобой, чтобы ни случилось. Жди.

Золотые иероглифы на стенах снова дрогнули. На этот раз они сложились в одну-единственную фразу:

«Все получают свои чудеса вовремя. А кто перестал верить, получает их последним».

В зале стало тихо. Император взошел на трон. Лицо его снова стало одновременно лицом старика и юноши. Того, кого нельзя назвать ни тем, ни другим. В воздухе что-то изменилось. Запах сандала стал гуще. Кедра — теплее. Османтуса — слаще. Туман поглотил зал. Нефритовые колонны сомкнулись. Бронзовые журавли на крышах повернули головы вслед уходящему солнцу.

А в Поднебесной снова пошёл снег. Из лепестков османтуса. Белых. Мелких, как крупа. Они ложились на зелёный нефрит и не таяли.

Геннадий вздрогнул и проснулся.

Он спал на лавочке, в заснеженном парке. В костюме Деда Мороза. Борода приклеена криво, валенки промокли, в голове — глухая, тяжёлая пустота. Сегодня вечером опять нужно было спешить на очередной корпоратив.

«У меня печень не выдержит, — внутренне простонал Геннадий. — Когда уже всё это закончится?»

Мимо него пробежали две девятиклассницы в костюмах снежинок. Оставили за собой густой шлейф ароматного парфюма. Сандал и кедр.

Геннадий принюхался. Почесал в затылке.

Что-то это ему напоминало. Только вот что?

Глава 1. МЁРТВОЕ ДЕРЕВО И ЖИВОЙ КРОЛИК

В шесть утра в прихожей грохнуло железо. Я открыл глаза и по звуку определил направление. Жорик явно начал готовиться к празднику раньше, чем подумал о последствиях. На этот раз он уронил ёлочную подставку. До Нового года оставалось ещё достаточно времени, чтобы одуматься. Но я был убежден. Человеческие ошибки обладают завидной настойчивостью.

Выглянул из клетки. За окном темнел декабрьский двор без единой приличной снежинки. На мне был золотой ошейник. Гриве требовалось небольшое внимание, а всему остальному миру — серьёзное руководство. Я считал себя кроликом организованным и потому предпочитал начинать день с дела, а не с торжественных падений железяк.

Умывшись и пригладив львиную гриву, проверил подстилку. Ночью кто-то сдвинул кормушку на палец вправо. Этим кем-то, к сожалению, мог быть только я сам. Вот только признание собственной ошибки не входило в список обязательных утренних процедур. Клетка была моим владением: чистая поилка, аккуратное сено, миска на положенном месте. Колесо для бега стояло в углу. Маруся продолжала напоминать мне о физических упражнениях. Разумеется, я, почётный кардиолог, не имел права пренебрегать мнением коллеги. А вот превращать жилище в выставку достижений кроличьего хозяйства я не собирался. Порядок должен был быть удобным прежде всего мне.

За стеной снова зашуршало. Жорик пробирался на кухню, прижимая к груди коробку с новогодними игрушками. Он решил проверить гирлянды до завтрака — похвально. Правда, по дороге забыл, зачем несёт коробку. И небрежно плюхнул её на табурет. Тот покачнулся, и я снова услышал угрожающий звон. Да что же это такое, с утра пораньше!

— Шик, ты не видел пакет с удлинителем? — виновато спросил он, заглянув ко мне.

Пакет с проводами висел у него на локте. Я посмотрел на эту выдающуюся иллюстрацию человеческой наблюдательности и промолчал, немного задрав нос.

— А, вот же он! — обрадовался Жорик. — Ты настоящий талисман, Шик. Рядом с тобой всё находится.

Я ответил сдержанным фырканьем. Предметы действительно находились значительно быстрее, если их переставали перекладывать.

Жорик ушлёпал на кухню, а я посмотрел в окно. Берёзы во дворе стояли голые, изморозь серела на асфальте. Декабрь обходился почти без снега, зато люди уже спорили о гирляндах. После недавних приключений мне хотелось только тишины, сена и права распоряжаться собственными лапами. Впрочем, последнее я ценил теперь особенно высоко.

Дверь комнаты открылась. Прибежала Арина. Милейшее создание, двенадцать лет, хвостик на голове, а на резиночке для волос — морковки. В руке нарядный телефон со стразами. Моя девочка.

— Доброе утро, Шик, — она подошла к клетке.

Арина вела «Дневник наблюдений» и относилась к моему распорядку почти с научным уважением. Подобная внимательность иногда нарушала мою приватность, но в сравнении с Жориковой привычкой переставлять всё подряд казалась верхом деликатности. Девочка открыла дверцу клетки и дождалась, пока я сам решу, выходить ли. Протянула руку, дождалась моего разрешения и осторожно погладила гриву. Я терпеливо выдержал положенную порцию нежностей, после чего немного отодвинулся. Она сразу поняла намёк, не превращая дело в дипломатический скандал.

— У тебя сегодня удивительно благородный вид, — заметила Арина. — Даже для тебя.

Я поправил усы. Приятно было встретить в этом доме человека, способного отличить простую похвалу от точной оценки внешности.

Арина оставила дверцу открытой и убежала. Я задержался у порога, прислушиваясь: где же Алина? Близнецы обычно появлялись вместе, но даже исследовательницы домашней магии имели право иногда разойтись по личным делам.

В дверях появилась Маруся с полотенцем на плече и блюдцем свежей зелени. Её утро уже вместило сборы в школу, два звонка с работы и поиски одного совершенно ненужного никому переходника. Я смотрел на неё и восхищался. Вот женщина, которая умеет держать в голове одновременно расписание уроков, чужую аналитику и мою диету! И при этом всё равно находит время накрасить ресницы. Уважаю.

— Лорд Шик, выбирайте, — звонко предложила она мне. — Салат или петрушка? У меня сегодня небольшое меню.

Я принялся выбирать. Жорик заглянул через её плечо и немедленно спросил, не оставили ли чего-нибудь съедобного ему. Бэз петрушки и салата. Маруся посмотрела на него снисходительно. Так умеют смотреть врачи на человека, который отказывается замечать стоящий перед ним завтрак.

Я взял салат. Жорику достался бутерброд. Мне показалось, что распределение продуктов соответствовало заслугам каждого. Аристократы всегда впереди.

За столом обсуждали обнаруженную Жориком коробку с игрушками. Там оказались три перегоревшие лампочки, две старые ленты и одна загадочная деревянная прищепка.

— Жор, ты зачем принёс всё это на кухню? — укоризненно спросила Маруся.

— Инвентаризация, — гордо ответил Жорик. — Хотел заранее выяснить, что у нас работает. Чтобы потом не бегать по магазинам.

— До праздника ещё почти месяц. А кухня нам нужна для завтрака, не для испытания электротехники.

— Именно поэтому я проверяю всё сейчас. Ответственный подход, Марусь!

— Такой подход начнётся, если ты уберёшь провода подальше от детей и животных.

Впервые за утро я был готов поддержать Марусю целиком. Гирлянда, лежавшая на столе, таинственно мигала одним-единственным огоньком и не внушала мне доверия. Более того, будила во мне какие-то потайные желания. Схватить зубами и как..! Прямо как Мурзик во время очередного эксперимента.

Я выбрался из клетки и отправился на осмотр кухни. Арина искала учебник, Алина завязывала шарф. Жорик изучал гирлянду с выражением изобретателя, ещё не предвидевшего последствий собственного открытия. Хоть бы не погрыз. Самому хочется.

Рядом с его ногой лежала новогодняя лента. Я подтолкнул её носом к коробке. Опять бардак! Свободный проход был необходим любому приличному кролику. Лента послушно скользнула внутрь, но Жорик почему-то решил, что я участвовал в украшении квартиры.

— Марусь, ты посмотри! — позвал он. — Шик помогает готовиться к празднику!

Я посмотрел на него с искренним недоумением. Разумеется, я помогал. Спасал кухню от преждевременного превращения в склад декоративного мусора.

— Он, кажется, просто убирает за тобой, — заметила Алина, не отрываясь от шарфа.

— А это тоже помощь, — совершенно серьёзно ответил Жорик.

Я не мог не согласиться с последним замечанием. Иногда люди делали разумные выводы совершенно случайно.

Тут случилось непоправимое. Жорик схватил меня поперёк моего плотненького, пухленького тельца и несколько раз громко чмокнул в нос. Ужас! Еле вырвался. Что за неуважение.

Вернувшись к клетке, я убедился, что проход свободен. До праздника ещё оставалось время, а угроза ёлочного нашествия уже приобрела вполне материальные очертания.

За завтраком Маруся заглянула в папку «Аномалия-3». Там хранились её записи о наших прошлых обменах — с Жориком и Клавой. Наблюдения, даты, рефлексы, медицинские показатели. Я уважал этот порядок. Впрочем, предложить мне подписать согласие на участие в

научном исследовании никто до сих пор не догадался. Люди неисправимы в своей дремучести. Никаких благородных навыков.

Жорик открыл чат «Питомцы среди нас». Мурзик давно оставил ему часть административных забот. Теперь по утрам Жорик отвечал хозяевам животных с серьёзностью человека, которому доверили управление небольшим государством. В чате обсуждали удивительно сообразительных питомцев, чужие привычки и подозрительные совпадения. Я знал, что за некоторыми невинными сообщениями скрывались настоящие обмены, поэтому относился к этой болтовне серьёзнее, чем следовало бы кролику моего положения. Мурзику я доверял примерно настолько, насколько можно доверять коту с доступом к интернету и чрезмерной верой в собственные расчёты. Однако его знания о волшебных обменах были необходимы, и потому я внимательно следил за сообщениями.

Пока Жорик объяснял кому-то в чате, почему хомяк не обязан выполнять команду «сидеть», на экране вспыхнуло новое уведомление от @MurrAdmin.

«ВНИМАНИЕ. Точка у главной ёлки в городском парке нестабильна. Глубина 2. Рекомендую избегать тесных контактов и сильных эмоций рядом с ней. Шик, особенно тебе. НЕ ХОДИ В ПАРК. @MurrAdmin».

Мурзик редко предупреждал так настойчиво. Значит, в парке действительно назревала неприятность. Мне совершенно не хотелось в ней участвовать, но игнорировать кота с такими сообщениями тоже было опасно.

Жорик прочитал сообщение. Почесал затылок.

— Шик, а что это значит? «Глубина 2»? Это как? Опять сомы?!

Я промолчал. Объяснять людям механику обменов — всё равно что объяснять Жорику, зачем нужен фэн-шуй. Бессмысленно. Но Жорик не отставал.

— Мурзик предупреждал, что в парк пока ходить нельзя, — сообщил он. — А там как раз ставят главную ёлку. Кстати, завтра у нас корпоратив, будет Дед Мороз. Я предложил ему потом зайти к нам. Ты ведь не против?

От перспективы незнакомого гостя мне стало неуютно. Жорик смотрел на Марусю с надеждой. По выражению его лица было понятно, что он считал приглашение окончательно согласованным. У некоторых людей спрашивать разрешения означало всего лишь заранее предупредить о самостоятельно принятом решении. Как некультурно!

Отдельно меня тревожило, что неизвестный явится в красной шубе. К чужому человеку в доме я ещё мог привыкнуть, но к белой негигиеничной бороде возле своей миски — едва ли.

Жорик принял молчание за согласие. У людей это считалось обычным способом принимать решения за кроликов и людей.

— Отлично! — обрадовался он. — Завтра корпоратив, потом городская ёлка. А может, нам и домой купить ёлочку? Большую, чтобы до потолка!

Я вздрогнул. Мёртвое дерево в гостиной, осыпающиеся иголки, гирлянды и глупая радость по поводу беспорядка — вот что скрывалось за словом «ёлка». Жорик опять мечтал о празднике, который мне предстояло пережить как стихийное бедствие.

Маруся подняла голову от ноутбука.

— Жор, мы не можем купить очень большую ёлку. У нас потолки два семьдесят. И потом, куда мы её поставим? У нас и так тесно.

— В угол. Где торшер. Его можно временно переставить.

— Торшер нельзя переставить. Он тяжёлый. И потом, Шик будет против. Ты же знаешь, он не любит ёлки.

Жорик посмотрел на меня. Я посмотрел на него. В моём взгляде была вся скорбь кроличьего народа, который веками терпел человеческие причуды. Он что, не видит, как я уже страдаю?!

— Шик, ну пожалуйста, — уговаривал Жорик. — Я сам буду убирать иголки. И гирлянду выберу спокойную, чтобы она не мигала тебе в глаза. И высоко повешу. Ты не достанешь.

Я отвернулся. Некоторые разговоры лучше не продолжать. Особенно когда человек уже всё решил и просто ищет поддержки. Внаглую.

Где-то раздался Клавин голос. Она снова кого-то отчитывала. Вероятно, телевизор или телефон. Жорик вздохнул и поёжился. Эту интонацию он знал слишком хорошо.

— Опять кефир не тот! — донеслось от соседки. — Три и два! А я просила два и пять! Что за люди! Ничего нельзя доверить! Всё приходится делать самой!

Жорик вздохнул. Маруся посмотрела на него с сочувствием.

— Она опять тебя достает? — спросила добрая жена.

— Опять, — кивнул Жорик. — Я вчера купил кефир. Два и пять. Но она говорит, что три и два. Я не понимаю. Может, я перепутал?

— После истории с Василием ей нелегко, — согласилась Маруся. — Ты же знаешь. Узнать, что он жив, и суметь вернуть его домой — совсем не одно и то же.

— Знаю, — кивнул Жорик. — Но всё равно обидно.

Я слушал и фыркал. Клава оставалась грозой подъезда. Могла устроить разбирательство из-за кефира, а затем тайком отнести соседям пирог. После озера мы знали, что её Василий жив, но всё ещё находится на глубине. В теле сома. Правда, теперь у неё появилось много друзей и знакомых. И даже поклонник. Но время от времени на неё накатывало, и она становилась прежней Клавой. Почтальон восстановился ментально только на половину. Жорик понимал это лучше меня. Мужчины вообще лучше понимают женщин, когда те кричат на весь подъезд из-за кефира. Так им проще.

На следующий день Жорик отправился праздновать корпоратив. Маруся занялась своими делами, а близнецы убежали в школу. Я вновь остался на любимом стуле и попытался оценить вероятность спокойного дня.

В чате снова мигнуло сообщение. От @MurrAdmin.

«Шик, ты не ответил. Я серьёзно. В парк не ходи. Пока я не разберусь с точкой. И ещё. Я чувствую, что-то произойдёт. Будь готов».

Я решительно закрыл чат. Не ответил. Пусть думает, что я его игнорирую. Коты не любят, когда их не замечают. Такая у них слабость.

Я посмотрел на голые берёзы за окном. Где-то в городе устанавливали главную ёлку, от которой Мурзик настоятельно велел держаться подальше.

Отвернулся и дёрнул носом. Я не собирался в парк, вообще не любил парки. Слишком много людей и мало приятных воспоминаний. Зато куча собак и хаоса.

Но странное предчувствие не проходило. Точно неприятность уже двигалась к нашему дому. И, судя по Жориковым планам, была одета в красную шубу.

Хотел бы я ошибиться. Хотя бы один раз.

Глава 2. ГЛИНТВЕЙН И РОКОВЫЕ ОБЪЯТИЯ

Жорик вернулся поздно. Я слышал, как он возился в прихожей: пыхтел, снимал ботинки, ронял ключи, чертыхался, поднимал ключи. И снова ронял. Потом долго молчал. Я уже решил, что он уснул прямо там, на полу, среди ботинок и курток. Но нет. Он вошёл в кухню. Хорошо пьяненький. Воняющий чужими запахами непонятной еды и одеждой посторонних людей. Ужас, в общем. На среднем уровне человеческого счастья. В такие моменты им мир кажется немного добрее, а носки — не такой уж важной проблемой. О Господи, я их никогда не перевоспитаю.

— Шик! — обрадовался он. — Ты не спишь! Дружище!

И потянулся ко мне своей немытой человеческой лапой. Кусь! Кусь сейчас будет, кусь!

Я не спал. Я никогда не сплю, когда в доме кто-то ходит. Обыкновенный кроличий инстинкт. Раз кто-то ходит ночью, значит, может быть опасность. Или еда. Или и то, и другое. Я мрачно взглянул на Жорика. Чуть-чуть показал резцы. Взгляд у него был мутный, но счастливый. Галстук съехал набок. Волосы торчали в разные стороны. На щеке — след от помады. О горе мне, не Марусиной. Значит, на корпоративе были женщины. И они целовали глупого Жорика. Не спрашивая нашего с Марусей разрешения. Как низко он пал. А что теперь сделает с ним Маруся? Я закрыл глаза от ужаса.

— Шик, — пробормотал этот несчастный, присаживаясь на корточки перед клеткой. — У нас завтра будет гость. Помнишь, я говорил? Дед Мороз. Он зайдёт по пути. Я его пригласил. Всего лишь короткий визит. Ты не против? Только ты сможешь ему помочь.

Я фыркнул. Жорик всегда называл приглашение «коротким визитом», даже если заранее закупал для гостя печенье на три дня. К тому же с его добрым лицом спорить было трудно. Он уже наливал мне чистейшую воду, готовый рассказать, почему этому деду Морозу непременно надо помочь. И сделать это смогу только я. Великий и ужасный властитель судеб. Редкий Шик. Я прямо почувствовал, как моя грудь наполняется любовью и покровительством к незнакомому мне деду Морозу. Что там говорить, служить я всегда умел. На отлично.

— Он хороший мужик, — говорил Жорик, глядя в мою мисочку. Мне показалось, что он готов был отпить. — Геннадий. Усталый только очень. Весь вечер шутил, поздравлял, вручал подарки. А потом сел в углу и сидел. Молча. Я подошёл, спросил, всё ли в порядке. Он говорит: «Всё нормально. Просто устал». А глаза — как у собаки, которую бросили. Вот честно, Шик. Если бы ты его видел, ты бы меня понял, дружище. Ну, я его и пригласил. Пусть придёт. Посидит. Глинтвейна выпьет. Может, оттает. Заступишься за меня перед Маруськой, а?

Я слушал и удивлялся. Жорик, способный забыть собственные ключи, заметил чужое одиночество посреди шумного корпоратива. Такие вещи плохо укладывались в мои строгие представления о его рассеянности. Но отрицать их было бы несправедливо. И ещё. Я совсем не понимал, как это: Дед Мороз — из той же серии, что и наш почитаемый Золотой Император. И вдруг он стал превращаться в какого-то Геннадия. Эти люди не уставали меня удивлять.

Утром Жорик встал раньше обычного. Не потому, что стал ответственным. А потому, что Маруся сказала, если он не уберёт в квартире, она не пустит его Геннадия на порог. И Жорика вместе с ним. И ещё что-то про зацелованного изменщика. Жорик убрался. Быстро и с очень большим желанием. Почти. Носки всё равно остались под столом. Один серый, с дыркой. Маруся не заметила. Или сделала вид, что не заметила. Иногда она так поступает. Я думаю, она просто устала бороться с носками. Это как бороться с энтропией. Бессмысленно. Но! Я-то помнил, что кто здесь великий учитель дедов Морозов в их беспутной жизни. Побежал и спрятал носок в надёжном месте. Так-то лучше будет. Уф.

Близнецы вернулись из школы. Арина сразу села за «Дневник наблюдений». Алина — за телефон. Они что-то обсуждали шёпотом. Я слышал только обрывки: «Ты думаешь, он настоящий?», «Нет, конечно. Это же актёр. Но мама сказала, что он несчастный и бедный», «Усталые актёры — это грустно. А бедные — нормально. Они все становятся известными только после смерти». Я не понял, о чём они. Но что-то мне подсказывало, что о таинственном Геннадии.

Вечером пришёл гость.

Я услышал его раньше, чем увидел. Тяжёлые шаги. Неуверенные. Так ходят люди, которые не привыкли ходить в гости. Или не хотят туда идти.

В прихожую вошёл мужчина. Высокий, сутулый. В красной шубе с белой оторочкой. Шуба сидела на нём мешковато, будто её сняли с чужого плеча. Белая борода приклеена криво. Он нёс посох. Не опирался на него. Просто держал. Наверное, было жалко выбросить.

— Здравствуйте, — глухо поздоровался он. Голос был хриплый, неприятный. — Я Геннадий. Меня Жорик пригласил. По пути. Я местный Дед Мороз.

Маруся вышла в прихожую. Красивая такая. И улыбнулась вежливо. Так улыбаются врачи, когда видят пациента, пришедшего не по своей воле.

— Приятно. Проходите. Раздевайтесь. Чай? Глинтвейн? У нас всё есть.

— Глинтвейн, — смутился Геннадий и стал ковырять носком валенка пол. — Если можно. Согреться.

Он снял шубу. Под ней оказался свитер с оленями. Олени были смешные. С большими рогами. Один наглый олень подмигивал. Сам Геннадий не подмигивал. Он смотрел на нас с Марусей извиняясь за то, что существовал. И занимал место. Я знал этот взгляд. Помнил по Клаве. Замечать такие чувства — не положительные — было моей работой.

Геннадий сел на кухне. За стол. Маруся поставила перед ним кружку с глинтвейном и поставила рядом блюдо с имбирными пряниками. Он взял кружку двумя руками. Отпил. Закрыл глаза. На секунду мне показалось, что он сейчас заплачет. Но нет. Он просто сидел с закрытыми глазами. И медленно дышал. У людей бывает такое лицо, когда они впервые за долгое время оказываются в тепле. Не знают, что с этим делать. Я видел такое у Клавы, когда она после Василия сидела на кухне и молчала, а Маруся подливала ей чай. Тогда я думал, что это просто усталость. Теперь думал, что-то другое. Для чего у кроликов нет слова, а у людей, наверное, тоже.

Жорик суетился рядом. Предлагал салат, сушки, конфеты. Геннадий от всего отказывался. Потом всё-таки взял сушку и долго смотрел на неё. Как будто это была не сушка, а что-то важное. Чего у него больше не было. Он производил на меня прямо-таки угнетающее впечатление. Кто же знал, что деды Морозы такие депрессивные.

— Хорошо у вас тут, — выдохнул он наконец. — Тепло. Семейно. Дети, кролик. Всё как полагается.

Он посмотрел на меня. Я горделиво сидел на своём стуле. Ожидал, когда нас представят друг другу. И я смогу наконец-то учить Геннадия, как надо жить. Ошейник блестел, грива лежала безупречно. Я смотрел на него с достоинством. Как и подобает аристократу. Геннадий улыбнулся. И знаете, улыбка у него была хорошая. Немного грустная, но настоящая.

— Красивая животинка, — странновато похвалил он меня. — Львиноголовый? У меня в детстве был кролик. Обычный, серый. Потом он умер. Я плакал два дня. Мама говорила: «Не плачь. Это всего лишь кролик». А я не мог остановиться. Мне казалось, что если я перестану плакать, то он исчезнет совсем. Как будто слёзы держали его около меня. Глупо, да?

Я не считал это глупым. Какая трагедия! Теперь я очень сочувствовал этому несчастному Деду Морозу Геннадию. Пережить такое в детстве — уму непостижимо. А вокруг чёрствые взгляды взрослых. Страшно представить. Жаль, что я не мог открыто высказать ему свои соболезнования. Я был кроликом. А кролики слушают и запоминают. Вот я и запомнил.

Геннадий допил глинтвейн. Печальная Маруся налила ещё. Теперь он согрелся. Щёки порозовели, глаза стали чуть живее. Он оживился и начал говорить не о кролике. О себе.

— Я всю жизнь работал Дедом Морозом, — рассказывал он. — С двадцати пяти лет. Сначала в театре. Потом на корпоративах. Знаете, сколько детей я поздравил? Тысячи. А может, больше. Я не помню их лиц.

Он замолчал. Посмотрел в кружку. Маруся тут же долила. Хорошая она всё-таки. Женщины всегда знают, когда человеку нужно не слово, а ещё немного горячего.

— Тридцать лет, — сокрушённо говорил он. — Я был чудом для других. А для себя — никем.

Он замолчал снова. На этот раз дольше. Я подумал, что на этом всё. Он сейчас допьёт и уйдёт в свою красную шубу, как в домик. И больше мы его не увидим.

— Развёлся, — пожаловался он вдруг. — Дочь не звонит. Лена. Не хочет меня знать. Говорит, что я всегда был занят. Был Дедом Морозом для всех детей, но не для неё. Она права.

Он поднял голову. Посмотрел на меня. Я выдержал взгляд. У аристократа не бывает причин смущаться. Это удел других. Но что-то в его глазах было знакомо.

— Можно я его поглажу? — спросил Геннадий. — Кролика. Одним пальцем. Я не буду против шерсти. Я знаю, как надо. Очень давно у меня был кролик. Я помню.

Маруся кивнула. И все остальные тоже. Меня можно трогать. Если вежливо попросить.

Геннадий коснулся моей гривы. Осторожно. Я позволил. Не знаю почему. Может, потому что он был одинок. Может, потому что он помнил своего кролика. Он погладил меня. Один раз; два; три. На четвёртый я отстранился. Правило есть правило. Три раза — максимум. Геннадий улыбнулся. Понял.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Он у вас особенный.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня в макушку. Люди иногда так делают. Целуют животных. Не знаю зачем. Наверное, от избытка чувств. Я почувствовал запах глинтвейна. И ещё чего-то. Сандала? Кедра? Нет. Показалось.

Он обнял меня. Крепко. Я хотел отстраниться. Фыркнуть и укусить. Не успел.

Вспышка.
Давление.
Темнота.

Открыл глаза. Я лежал на кафеле. Холодном и жёстком. Попытался встать. Тело не слушалось. Оно было тяжёлым, большим. Чужим. Я посмотрел на лапки. А их не было. На полу рядом со мной сидел кролик. Шоколадно-коричневый, с густой львиной гривой. В золотом ошейнике. С глазами, полными ужаса. Кролик посмотрел на меня. Открыл рот и сказал человеческим голосом:

— Я... я пушистый? Что происходит? Я не должен быть кроликом! Я Дед Мороз! Да чтоб меня! У меня договоры. Эти гады же с меня неустойку вычтут! Караул! Вытащите меня отсюда, кто-нибудь!

Он попытался встать. Но лапы разъехались. Упал мордочкой в пол. Моей славной мордочкой! Если бы я не был в теле пятидесятипятилетнего актёра с больной спиной, я бы, может, и посмеялся. Но мне было не до смеха. Я попытался сесть. Получилось с трудом. Я зашипел. И, честное слово, я вообще не испытывал любви к детям и людям в целом.

— О нет, — завопил я хриплым голосом Геннадия. — О нет-нет-нет. Опять. Опять?!

Маруся выронила полотенце. Жорик сел на пол с размаху. Близнецы выронили «Дневник наблюдений» и телефон. А потом заорали. И было от чего. Все смотрели на нас. То на меня, то на кролика. Как будто не могли решить, кто из нас кто. Я их понимал. Я и сам не мог решить.

— Шик? — прошептала Арина. — А который — ты?

Я кивнул Геннадиевой головой. В этот момент человеческие шея и спина показались мне устройствами весьма ненадёжными. Но Жорик и девочки сразу узнали мой привычный взгляд.

— Опять, — простонал я. — Обмен. Только теперь с Дедом Морозом. С актёром, который не верит в чудеса. Прекрасно. Просто замечательно.

Жорик подошёл ко мне. Осторожно, как к больному. Или сумасшедшему.

— Шик, это ты? Правда ты? — спросил он. Голос у него дрожал. — Скажи что-нибудь. Узнаваемое, кроличье.

Я посмотрел на него снизу вверх. И произнёс с кроличьим достоинством:

— Это не по правилам.

Жорик выдохнул. Маруся и девочки почти упали в обморок. Но выстояли, мои красавицы. Геннадий молчал. Но я слышал его. Не ушами. Как-то иначе. Будто кто-то говорил прямо у меня в голове его голосом, усталым и обречённым:

«Завтра утренник. В школе. С хороводом и Снегурочкой. Боже. Только не это. Нет-нет-нет. Елки-моталки! Новый год же!»

Глава 3. ШИК В ШКУРЕ ДЕДА МОРОЗА

Первое, что я понял в теле Геннадия, — человеческое тело устроено неправильно. У кролика, если болит лапа, то болит лапа. Здесь одновременно ныли спина, колени, шея и пальцы. Я попробовал сжать руку в кулак, но пальцы повели себя как переваренные макароны. Артрит. Маруся произносила это слово, когда Клава жаловалась на руки. Теперь я узнал, насколько оно неприятно на практике.

Я сидел на полу в кухне. На кафеле — холодном, жёстком. Жорик и Маруся стояли рядом и смотрели на меня как на экспонат. Близнецы застыли в дверях, они уже подобрали свои богатства. Арина с «Дневником наблюдений», Алина с телефоном. Обе молчали. Еще бы. Такое событие.

В двух шагах от меня сидел кролик с моей шоколадной шёрсткой, львиной гривой и золотым ошейником. Внутри него теперь находился Геннадий. Он разглядывал лапы с таким ужасом, будто получил самую неудачную роль за тридцать лет сценической работы.

— Шик, — осторожно позвала меня Маруся. — Ты как?

Я попытался привстать и ответить, но чужая спина не позволяла даже подняться с пола. Пришлось говорить снизу голосом Геннадия, но с собственным достоинством.

— Я был кроликом и собирался им оставаться, — заявил я. — А теперь у меня чужая спина, колени и совершенно ненадёжные пальцы. Это нарушение всех мыслимых правил и норм. Я жаловаться буду!

Отчаянно попытался встать, схватился за шаткий стул и едва не упал. Жорик успел придержать меня под локоть. На этот раз я не стал спорить.

— Шик, — жалобно пролепетал Жорик. — Ты сейчас не кролик. А — Геннадий. Тебе надо сесть. Пожалуйста. Сядь. На стул. Вот сюда. На твой стул. Кроличий. Ну, то есть человеческий. Я запутался.

Я сел. На свой стул. Тот самый, с которого Жорик обычно сбрасывал джинсы. Теперь джинсы висели в шкафу, на специальной вешалке. Прогресс. Я сел и выдохнул. Спина немного отпустила. Но не совсем. Она просто затаилась, как хищник. Ждёт, когда ты расслабишься, и тогда — бац — схватит больно.

Геннадий-кролик рассматривал передние лапы, переводя взгляд с одной на другую. В его глазах стоял не только страх. Я узнал ту пустоту, про которую говорил Жорик. Видимо он думал, что за ним никто не наблюдает.

— Я не понимаю, — пропищал Геннадий-кролик. Почти своим голосом. — Я не понимаю, что происходит. Я был человеком и Дедом Морозом. Тридцать лет. А теперь я, кто?

Он посмотрел на свои лапы. На пушистый живот. На гриву.

— Пушистый комочек. Я кролик. Как это? Что же это такое делается?

Я посмотрел на Геннадия-кролика. Да уж. Мне было на много проще. Я все-таки не новичок в обменах. А вот ему пришлось не сладко. Уши дрожали, он неуклюже переступал лапами и пытался понять, где кончился знакомый мир. Мне его было жалко. Я слишком хорошо помнил собственные первые минуты в чужом теле.

— Это обмен, — вздохнул я. — Явление. Редкое, но не уникальное. Я уже проходил через это. Дважды. С Жориком и с Клавой. Теперь — с тобой. Это не навсегда. Но пока — да. Ты в моём теле. Я в твоём. И нам нужно как-то с этим жить. Хотя бы до обратного обмена. И не смей портить мою шкурку, гриву и лапки. Закусаю!

Геннадий-кролик посмотрел на меня. Долго. Потом сказал очень тихо:

— Я не хочу быть кроликом. Я хочу домой. К себе. Там пусто. И тихо. Никого нет. Я хочу сидеть на диване и смотреть телевизор. Никого не поздравлять и не радовать. Просто сидеть.

Молчать. Можно? Я никому не расскажу, что у вас тут делается. Ну пожалуйста, отпустите меня, а?!

Я не нашёл подходящего ответа. Взрослый человек столько лет улыбался чужим детям, а теперь просил оставить его в покое даже в собственных неприятностях. Я знал, как обустроить клетку. Но категорически не знал, чем помочь тому, кто давно перестал считать себя нужным.

Маруся взяла ситуацию в руки. Она была все-таки медицинский работник. И не считала себя вправе стоять в стороне от общественных неприятностей. И перевоплощений. Открыла ноутбук, папку «Аномалия-3». И быстро записала время, место и участников обмена.

— Причина — объятие, эмоциональный контакт, глинтвейн, усталость. Всё сходится. — Она взглянула на меня уже как врач. — Шик, ты весь красный. Левый глаз хуже видит? Это катаракта?

Я кивнул. Головой Геннадия. Большой, тяжёлой.

— Левый. Плохо видит. Пелена. И спина. Болит сильно. И пальцы не сгибаются. И ещё... — Я замолчал. Не хотел говорить. Но сказал: — Похмелье. У него похмелье. Голова болит, тошнит, и запах... глинтвейн... изо рта. И вообще. От всего тела. Как будто он неделю не мылся. Или месяц. Я не знаю. Но это неприятно! Я, кролик, отличаюсь чистоплотностью. Мне особенно обидно. Да я неделю его буду щеткой и скребком отмывать! Геннадий! Ну как так можно подзапуститься-то!

Жорик фыркнул. Потом засмеялся. И сразу заткнулся. Потому что Маруся посмотрела на него. Тем самым взглядом, говорившим: «Евгений, прекрати немедленно». Он прекратил.

Близнецы подошли ближе. Арина открыла «Дневник наблюдений». Алина включила камеру на телефоне.

— Мы записываем, — объяснила Арина кролику. — Для истории и «Аномалии-3». Это научные данные. Вы послужите науке о перевоплощенцах. Не сопротивляйтесь, пожалуйста.

Алина кивнула.

— И ещё. Пап, мы сразу поняли. Это Шик. Точно Шик.

— А кролик теперь точно Геннадий? — растерянно спросил Жорик.

Арина присела рядом с Геннадием и назвала его по имени. Тот кивнул и всхлипнул. Признался, что не знает, как ему быть. Алина опустила телефон: снимать испугавшегося человека в кроличьем теле даже ей показалось неуместным.

Арина осторожно погладила его по гриве. После третьего прикосновения Геннадий-кролик сам отстранился и удивлённо посмотрел на собственные лапы. Тело уже подсказывало ему некоторые привычки, но от этого чужая жизнь не казалась ему понятнее.

В чате мигнуло сообщение. От @MurrAdmin.

«Я чувствую обмен. В вашем районе. Шик, это ты?»

Я уставился на сообщение. Мурзик, как всегда, знал больше, чем говорил. Отвечать мне не хотелось, да и пальцы Геннадия с трудом слушались. Маруся напечатала за меня:

«Да, это Шик. Он в теле Геннадия, актёра Деда Мороза. Обмен произошёл на кухне, после объятия и глинтвейна. Что делать?»

Мурзик ответил сразу. Как будто знал и ждал.

«Обмен не в точке. Эмоциональный контакт. Геннадий был в упадке. Шик — пушистый профессионал перевоплощений. Сработало. Обратный обмен возможен, но не сразу. Нужно разрядить эмоцию, которая держит. Пустота и страх. Пока они не исчезнут — обмен будет держать. А пока... Шик, придётся тебе быть Дедом Морозом».

Я представил школу, шумный хоровод и Снегурочку — крупную женщину с блестящими глазами. А рядом себя. Несчастного, с больной спиной, накладной бородой и мешком подарков. Которые я даже не умел распределять. Кролики не проходят специальную подготовку к новогодним утренникам. Обычно мы просто едим морковку и избегаем подозрительных существ. Только не в этот раз.

— Я кролик, — произнес с достоинством голосом Геннадия, хриплым и усталым. — Я категорически не хочу быть Дедом Морозом. Это не по правилам. И крайне возмутительно.

Замолчал. Потому что не мог найти слов. Они закончились. Приходилось признаться, я был в теле человека-Деда Мороза. Для всех. А по сути, я был кроликом. Который боялся. Всего и всех.

Мурзик ответил коротко, как отрезал. Подлый кот!

«Тебе придется. Ты уже был Жориком и Клавой. Справишься. Я в тебя верю. Даже если ты в меня не веришь. Мужайся».

Я закрыл чат, не стал отвечать. Пусть Мурзик думает, что я его игнорировал. Коты этого терпеть не могут. Но его напоминание о прежних обменах задело меня. Я уже справлялся с жизнью в чужих телах. Возможно, справлюсь и теперь. Дети ждали Деда Мороза, а вместо него собирался прийти кролик с артритом и катарактой. От ответственности хотелось спрятаться не меньше, чем от Снегурочки.

Маруся захлопнула ноутбук. Осмотрела всех. Меня, Геннадия-кролика, Жорика и близнецов.

— Так, — решительно проговорила она. — Слушаем и запоминаем. План Б. Шик, ты идёшь на утренник. Завтра. В костюме. Геннадий, ты остаёшься здесь, с нами. Мы за тобой присмотрим. Жорик, ты едешь с Шиком. Помогаешь. В случае чего — звонишь мне. Близнецы, вы на связи. Ведёте «Дневник наблюдений». Всё ясно?

Все закивнули. Даже Геннадий-кролик. Маруся подошла к нему и отдельно спросила, согласен ли он остаться у нас под присмотром. Он едва заметно шевельнул ушами. Я подумал, что её правила были лучше моих. В них находилось место даже человеку, случайно оказавшемуся в моей клетке. А еще, теперь он не мог заявить о похищении. Сам согласился остаться.

Мы примерили Геннадиеву шубу. Она была тяжёлой. Искусственная борода щекотала рот, шапка давила на лоб, а пальцы с трудом справлялись с застёжками. В зеркале отражался странноватый артист, которого я не узнавал. Именно этим лицом мне предстояло улыбаться детям. Вот я бы, такое чудовище близко бы к детям не подпустил. О чем все думают?

— Не справлюсь, — признался я Жорику. — И, пожалуйста, не говори, что всё просто.

Жорик положил руку мне на плечо. Осторожно. Как будто я был хрупким. А я был кроликом в теле большого человека. Который боялся.

— Шик, — ласково попросил он. —Ты всегда справляешься. Ты же наш кролик. Наш спаситель. На один день. Пожалуйста. Ради детей и Маруси. Ради меня. Потому что ты — Шик. Львиноголовый. Императорский. И самый замечательный кролик на свете.

Жорик верил в меня, к сожалению. С совершенно нелогичным упорством. Я всегда считал эту черту недостатком его характера, однако перед первым выступлением в чужом теле она неожиданно оказалась очень кстати.

Я выпрямил спину. Насколько мог. Гордо. Как аристократ. И Дед Мороз. На один день.

— Хорошо, — вздохнув согласился я. —Но Снегурочка будет слишком близко... И если она посмотрит на меня и захочет схватить, я убегу. Это не по правилам. Но это инстинкт. Кроличий. И с этим ничего не поделаешь. Такой уж я есть.

И тут Жорик проявил себя как настоящий друг. Он обнял меня. И торжественно поклялся. Что всех Снегурочек в радиусе километра возьмет на себя. В буквальном смысле. Маруся правда повела себя странно. Посоветовала ему не увлекаться. С очень грозным лицом.

Утром мы уже собирались выходить. Геннадий в клетке приблизился к решётке и прижал нос между прутьев. Впервые за всё утро он смотрел не на собственные лапы, а на меня. Я поправил бороду и почувствовал, как синтетические волоски щекочут рот. Вероятно, ему казалось чудовищным, что место Деда Мороза на детском празднике займёт кролик. Мне это тоже казалось более чем странным. Невероятным. Пришлось признать. Иной раз судьба назна-

чала исполнителем главной роли того, кто даже афишу читать не собирался. Жорик подхватил мешки с подарками, Маруся напомнила про таблетки Геннадию. А я пошёл навстречу детям, надеясь лишь на одно. Что Снегурочка не была бы слишком проворной и догадливой.

Не распознала бы подмену.

Глава 4. МОРКОВКА ВМЕСТО ПОДАРКОВ

Школа пахла хлоркой и мандаринами. Странное сочетание. Как будто кто-то решил, что если добавить к запаху дезинфекции новогодний аромат, получится праздник. Не получилось. Но старались.

Жорик вёл меня за локоть, как поводырь слепого. Я не был слепым. Я был кроликом в теле взрослого актёра. Это совсем разные вещи. Но Жорик не разбирался и не церемонился. Он вообще плохо различал тонкие материи. Зато он нёс мешок с подарками. Большой, красный, с блёстками. И ещё один мешок, поменьше, с морковкой. Я настоял. На всякий случай. Жорик не спрашивал, зачем. Он уже привык к моим странностям.

— Шик, — шептал он, пока мы шли по коридору. — Ты только не паникуй. Всё будет хорошо. Дети — они маленькие. Они не кусаются. Ну, почти. Одна девочка в прошлом году укусила Деда Мороза. Но это была случайность. Она думала, что он заберёт её подарок. Он не забрал. Но она всё равно укусила. На всякий случай.

Я посмотрел на него. И спросил голосом Геннадия, стараясь сохранить достоинство.

— Ты мне сейчас помогаешь? Или мешаешь? Если мешаешь — скажи сразу. Я найду угол, сяду и буду сидеть, пока всё не закончится.

— Помогаю, — торопливо ответил Жорик. — Точно помогаю. Просто... предупреждаю. О девочке. Которая кусается.

Актовый зал был празднично украшен. Гирлянды, шарики, снежинки из бумаги, ёлка в углу. Большая, пахла хвоей. Мёртвое дерево в доме. Антисанитария. Но дети вокруг неё прыгали и радовались. Я не понимал, но привык. Люди радуются странным вещам. Мёртвым деревьям, бумажным снежинкам, переодетым дядям, которые раздают подарки, за которые заплатили родители. Чудо. Ха.

И вот, дети сидели на стульчиках — маленькие, шумные, в костюмах. Снежинки, зайчики, принцессы. Один мальчик был в костюме Человека-паука. Не по теме, но он был счастлив. Я его понимал. Иногда лучше быть Человеком-пауком, чем снежинкой. Снежинки тают. Человек-паук — вряд ли.

Учительница подошла к нам. Молодая, с планшетом в руке. На запястье — след от резинки. Она, видимо, стягивала волосы, а потом сняла ее, потому что стала мешать. Я такие следы знал. У Маруси бывали точно такие же после долгих смен.

— Вы Дед Мороз? — спросила она. — Наконец-то. Дети заждались. У нас всё готово: ёлка, хоровод, стихи. Снегурочка уже на сцене, ждёт вас.

При слове «Снегурочка» я похолодел. На сцене находилась крупная женщина с блестящими глазами и чересчур приветливой улыбкой. Моё кроличье благоразумие не доверяло существам, которые подходили так уверенно и смотрели прямо в лицо.

— Шик, ты побледнел, — шепнул Жорик. — Тебе плохо?

— Снегурочка, — выдавил я. — Она там. На сцене. Ждёт. Это опасно. Для кролика. Для меня. И для всех.

Жорик тоже посмотрел на сцену. Снегурочка улыбалась детям и совершенно не походила на того хищника, которого я успел себе вообразить.

— Шик, — укорил меня Жорик. — Это актриса. Она играет Снегурочку. Она не настоящая. Не хищник. Она просто женщина в костюме. Как ты. И как Геннадий. Как все мы. Ну, кроме меня. Я в свитере.

— Она крупная, — пролепетал я почти теряя сознание. — И глаза блестят. Это признаки хищника. Я читал. В книге про кроликов и их врагов. Там было написано: «Если самка крупнее

тебя и у неё блестят глаза — беги». Я запомнил на всю жизнь. Это инстинкт. Кроличий. Его не обманешь костюмом. Или свитером. Да чем угодно не обманешь.

Жорик вздохнул.

— Ладно. Ты только не убегай сразу. Попробуй потерпеть минут десять. Потом я тебя вытащу. Обещаю. Я скажу, что Деду Морозу нужно поправить бороду. Или что он хочет в туалет. Что-нибудь придумаю. Ты только не прыгай через сугробы. Ладно? Потому что сугробов тут нет. А прыгать через стулья — это опасно. Для детей и тебя.

Я вышел на сцену, поправляя бороду, которая лезла в рот. Дети закричали: «Дед Мороз!» Я вздрогнул от шума и машинально попытался прижать уши. Человеческие уши на эту просьбу, разумеется, не откликнулись. Это был ещё один недостаток. Как вы все с этим живете, не представляю.

Снегурочка подошла ко мне. Улыбнулась. Блеснула глазами.

— Здравствуй, Дедушка Мороз, — произнесла она слишком радостным и добрым голосом. Ну все. Точно хищник. — Наконец-то ты пришёл. Дети тебя заждались. Давай скорее водить хоровод, дарить подарки, и читать стихи. Дети подготовили стихи. Правда, дети?

Дети закричали: «Да!» Я вздрогнул ещё раз. Снегурочка взяла меня за руку. Такая вся крупная, тёплая, с блестящими глазами. И потащила к ёлке. В хоровод, к детям. Которые уже стояли, взявшись за руки и ждали меня. Деда Мороза. Отчаянно трусившего от всей этой ситуации. У двери Жорик показывал мне поднятый большой палец и улыбался так ободряюще, словно не он сам отправил меня на сцену. Отступать было поздно. Я сжал посох покрепче и попытался вспомнить, куда актёры обычно девают руки. В тот момент, когда им очень хочется бежать.

Начался хоровод. Дети запели «В лесу родилась ёлочка», Снегурочка подхватила мелодию. А я стоял в центре и старательно молчал и надувал щеки. Даже немного пытался шевелить бородой. Я слов не знал. Больше всего хотелось в тихую клетку, где никто не требовал музыкальных талантов.

Первый куплет пропели. Второй. Третий. Я стоял, терпел, Снегурочка улыбалась, дети пели. Жорик подбадривал. Всё было... терпимо. Пока не начался четвёртый куплет. И Снегурочка взяла меня за руку. Крепко. И потянула в хоровод, к детям. Они кружились, визжали и смеялись. Тянули меня за собой. В хаос и кроличий ад.

Я запаниковал. По-настоящему. Как кролик Шик. Вырвал руку и отскочил. Ой-ой. Слишком высоко, отскочил. Снегурочка так удивилась. Просто разинула свой рот. Широко. И стала очень похожа на хищника.

— Дедушка Мороз? Что с тобой?

Я не выдержал, отступил к свободному проходу между рядами и почти бегом направился к окну. Дети весело расступались, принимая мой манёвр за часть представления. На стекле были нарисованы бело-голубые сугробы, а рядом лежал плоский поролоновый макет. Через него я и перешагнул таким размашистым кроличьим прыжком, какой только позволяло непривычное тело. Снегурочка ахнула. Я приземлился, устоял и впервые за всё выступление услышал не испуганные, а восхищённые крики.

— Дед Мороз прыгает как зайчик! — вопили дети. И хлопали! — Да он настоящий!

У окна я остановился перевести дух. Ноги Геннадия немедленно высказали протест. С непривычки, после прыжка. Зато дети аплодировали. Кто-то кричал, что Дед Мороз прыгал как настоящий заяц. Мне было неловко признать, что восторг вызвала моя неудачная попытка спасения, но с фактами приходилось считаться.

Я повернулся к залу. И чуть не заплакал. Все так аплодировали и восхваляли мой не самый удачный прыжок, что мне стало очень стыдно. И еще… ужасно приятно. Снегурочка улыбалась, хотя ещё не вполне понимала, что произошло. Жорик обеими руками показывал мне, что всё хорошо. Учительница что-то отметила в планшете. Я же внезапно обнаружил:

дети не требовали от Деда Мороза безупречной игры. Им было достаточно, что он старался их порадовать. А я очень старался. И у меня получалось.

Я осторожно вернулся в хоровод. Песни по-прежнему не знал, поэтому подпевал там, где удавалось. Следил, чтобы никто не наступил мне на полы шубы. Потом мы перешли к подаркам. Первый мешок был с обычными свёртками, второй я настоял наполнить морковью. Дети обнаружили эту добавку с неожиданным восторгом. Кто-то попросил морковку для домашнего хомяка, кто-то — для снеговика. Я воспринял такой интерес как скромный триумф здравого смысла.

Снегурочка посмотрела на меня блестящими глазами. И сказала тихо, чтобы только я слышал:

— Ну, Геннадий, ты даешь! Я чуть в обморок не упала. Ты прыгаешь как спортсмен на Олимпиаде. И у меня тоже есть морковка. В сумке. Для перекуса. Хочешь? Я поделюсь. После утренника. Если ты не убежишь через сугробы. Ну ты и волшебник! Как ты хотел перепрыгнуть через них! Они же нарисованы на стекле. Гуашью. Белой и голубой.

Я взглянул на Снегурочку и впервые перестал искать в её улыбке угрозу. Оказалось, нам обоим хотелось после представления одного и того же. Морковки и немного тишины.

— Хочу, — признался я. — Только после представления. И прошу вас впредь предупреждать о нарисованных сугробах. Они значительно опаснее настоящих, поскольку внушают неоправданную уверенность в безопасности.

Снегурочка засмеялась так заразительно, что я не удержался. В её улыбке не было ничего угрожающего. Она оказалась обычной актрисой, которой тоже хотелось перекусить и закончить выступление без происшествий. Кажется, мы друг друга поняли. А я ее еще и немного полюбил. Глубоко в сердце.

Утренник закончился. Дети ушли с подарками, морковкой и неожиданной историей про прыгающего Деда Мороза.

Жорик подошёл ко мне. Усталый, но счастливый.

— Ну что, Шик? — спросил он. — Справился?

— Справился, — признал я. — Хотя марш-бросок через школьный зал в программу не входил. И всё же, кажется, детям понравилось больше, чем я ожидал. Смотри только не записывай это в графу моих профессиональных обязанностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.